

УКАЗ
Президиума
Верховного Совета
СССР
О награждении
товарища
Первухина М. Г.
орденом Ленина

В связи с пятидесятилетием со дня рождения заместителя Председателя Совета Министров СССР товарища Первухина М. Г. и принимая во внимание его заслуги перед Коммунистической партией и Советским государством, наградить товарища Первухина Михаила Георгиевича орденом Ленина.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
К. ВОРОШИЛОВ

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
Н. ПЕГОВ

Москва, Кремль
13 октября 1954 г.

Товарищу ПЕРВУХИНУ Михаилу Георгиевичу

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза и Совет Министров Союза ССР горячо приветствуют Вас, видного деятеля Коммунистической партии и Советского государства, в день Вашего пятидесятилетия.

Желаем Вам, наш друг и товарищ, дорогой Михаил Георгиевич, многих лет здоровья и дальнейшей успешной работы на благо Советского народа, на благо нашей великой Родины.

**ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА** **СОВЕТ
МИНИСТРОВ
СОЮЗА ССР**

Навстречу Второму съезду писателей

За двадцать лет

Ко Второму всесоюзному съезду советских писателей по решению правления ССП СССР открыта большая выставка «Советская литература за двадцать лет». Она займет демонстрационные залы Академии художеств.

В экспозиции, подготовленной Государственным литературным музеем, будет представлено творчество около трехсот писателей, экспонировано до десяти тысяч книг и свыше двух тысяч портретов, фотографий и других материалов.

Военный раздел даст общее представление о достижениях, с которыми советские писатели пришли к своему Первому съезду, и о самом съезде. Здесь будут показаны лучшие издания двадцатых и начала тридцатых годов, выходящие тогда литературно-художественные журналы и альманахи.

Основные разделы выставки посвящаются трем периодам развития советской литературы: от Первого съезда до Великой Отечественной войны, в годы войны, в послевоенные годы — до Второго съезда писателей.

Хронологический характер экспозиции даст возможность проследить, как развивалась наша многонациональная литература в довоенные годы, как в дни войны писатели постепенно переходили от оперативных откликов к крупным произведениям — романам, пьесам, пьесам. Широко будет представлена в этом разделе публицистика А. Толстого, В. Вишневского, П. Павлова, Б. Горбатова, И. Эренбурга, А. Фабера, А. Корнейчука и других писателей.

Отдельные издания, иллюстрации к ним, сделанные лучшими художниками, театральные макеты, кадры из фильмов, письма читателей и другие экспонаты расскажут о популярности лучших произведений советской литературы в нашей стране и за ее рубежом, о связи авторов с читателями. Специальные стенды посвящаются празднованию литературных дат, декадам литературы и искусства в Москве.

Раздел, относящийся к послевоенным годам, отобразит участие советских писателей в борьбе за мир, а также наши растущие интернациональные связи. Большое место на выставке займет детская литература.

Конференции, лекции, дискуссии

На днях просторный зал Дома писателя имени В. В. Маяковского наполнили работники ленинградских библиотек. Они рассказали писателям, какие книги пользуются популярностью у читателей, какие, напротив, не читаются, постарались вскрыть причины творческих неудач авторов отдельных произведений.

Читательский формуляр, — сказал на этой встрече писатель Ю. Герман, — документ объективный, строгий, нелицеприятный. Мы, литераторы, обязаны внимательно прислушаться к голосу тех, для кого пишем.

Этой встречей Дом писателя начал подготовку ко Второму всесоюзному съезду писателей. На днях здесь состоится дискуссия о положительном герое советской литературы, в которой примут участие ведущие писатели и критики. Намечено провести вечер-встречу с преподавателями литературы на тему: «Что читает молодежь», обсудить произведения ленинградских писателей, литературно-художественный альманах детей «Дружба» и сборник «Звездочка».

Недавно в ленинградском филиале Дома детской книги открылась выставка детской литературы, изданной в Ленинграде между Первым и Вторым съездами. На ней представлено свыше 800 книг, большая часть которых вышла в послевоенные годы. Более пятисот тематических книжно-иллюстрированных выставок оборудовано в библиотеках города.

Бюро пропаганды художественной литературы Ленинградского отделения ССП совместно с Центральной городской библиотекой имени В. В. Маяковского организовало литературные чтения. В их программе — лекции о советской литературе, встречи читателей с писателями, работниками редакций журналов «Звезда» и «Ленинградский альманах». Во Дворце культуры имени А. М. Горького на большом шефском вечере перед читателями выступил В. Кочетов, В. Саянов, Е. Калерин, А. Прокофьев, М. Дудин, П. Далецкий. В фойе Дворца культуры будет открыт книжный базар.

Во дворах и домах культуры, рабочих клубов и заводских цехах, библиотеках и учебных заведениях поэты и прозаики беседуют с читателями, знакомят их с новыми произведениями, делают творческие планы. В скором времени в отдаленный Кировский район выедет В. Саянов, в Ореховском районе побывает Ю. Герман, в Волховском — В. Кетлинская и т. д.

Рубрика «Навстречу Второму всесоюзному съезду писателей» появилась во всех ленинградских газетах.

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.)

**

Председательская дискуссия о положительном герое вызвала большой интерес писателей и читательских кругов Ленинграда. В связи с этим республиканский Союз советских писателей организует на днях дискуссии о положительном герое в современной грузинской литературе.

В писательских организациях

★ В Грузии широко развернулась подготовка ко Второму всесоюзному съезду писателей. Проводятся лекции и дискуссии об успехах советской литературы, обсуждаются произведения грузинских советских писателей, организуются выставки, отображающие развитие литературы в нашей стране.

Более трех недель провела в селах Местийского и Ойского районов бригада писателей.

Оживленно прошло обсуждение на Руставском металлургическом заводе имени И. В. Сталина романа «Грузинская сталь» С. Тавадзе. Нерушимой дружбе народов СССР посвящается вечер писателей. Издательство «Заря Востока» готовит к печати антологию лучших произведений грузинских советских писателей.

★ В Великих Луках перед Вторым съездом писателей заметно оживилась работа областного литературного объединения. Местные писатели включились в конкурс на лучший рассказ, очерк и стихотворение, объявленный областной газетой «Великолукская правда». В газете опубликованы первые рассказы и стихи, присланные на конкурс. Заключается подготовка второго номера альманаха «Великолукская земля».

Областной драматический театр приступил к работе над новыми пьесами местных драматургов Л. Рудого и И. Шура. Областной отдел радиодиффузии организует еженедельные выступления великолукских литераторов перед микрофоном.

Ко Второму съезду писателей областная библиотека и городская детская библиотека имени Аркадия Гайдара подготовили литературные выставки.

★ В Саратове проведено областное совещание с участием писателей и детской литературы. В Саратове, Волжске и рабочем поселке Красный Кут прошли читательские конференции, на которых обсуждались произведения саратовских писателей. Идет подготовка к областному совещанию литераторов, которое обсудит состояние литературной и театральной критики. Писательская организация выполнила свое обязательство — издала сборник для детей «Огоньки» (выпуск третий).

Центральная городская библиотека готовит выставку произведений саратовских писателей. В октябре она организует конференцию читателей.

★ В Новосибирске из районов области возвратились группы новосибирских писателей, выезжавших для творческих встреч с колхозниками и механизаторами. В старинном сибирском селе Кольяновы выступили К. Урманов и Ю. Салынский. Они рассказали, чем встречали советские литераторы свой второй съезд, привели отрывки из своих произведений. В Ординском районе в детской библиотеке, на полевого стане и в клубе МТС выступили писатели В. Пухлячев и А. Никитин. В глубинных районах Кулундинской степи побывал поэт А. Смердов.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР ГАЗЕТА

№ 123 (3307) Четверг, 14 октября 1954 г. Цена 40 коп.

Дружба, какой не было в веках

«Мы — братья по духу», — говорил М. Горький, выражая чувства советских людей к китайскому народу.

Мы — братья по духу! Давно, очень давно полюбили советские люди прекрасного трудолюбивого китайского народа. А с момента провозглашения Китайской Народной Республики мы от всего сердца желали ему успехов в строительстве своего свободного государства.

Вот и сейчас, в эти дни, советские люди с радостью встретили новое свидетельство растущей дружбы двух великих народов. В центральных газетах опубликованы документы огромного политического значения: коммюнике о советско-китайских переговорах, совместные декларации правительства Советского Союза и Китайской Народной Республики по вопросам советско-китайских отношений и международного положения и по вопросу об отношениях с Японией, совместные коммюнике по вопросу о военно-морской базе Порт-Артур, о существующих смешанных советско-китайских обществах, о соглашениях относительно научно-технического сотрудничества, о строительстве железной дороги Ланьчжоу — Урумчи — Алма-Ата, совместное коммюнике правительства Советского Союза, Китайской Народной Республики и Монгольской Народной Республики о строительстве железной дороги от Цзинина до Улан-Батора. Газеты опубликовали также письмо Советской правительственной делегации о передаче в дар китайскому народу от советского народа техники и оборудования для организации крупного зернового государственного хозяйства и ответное письмо председателя Мао Цзэ-дуня. В дар Китайской Народной Республике переданы экспонаты советской выставки в Пекине.

Эти документы являются важным вкладом в дело мира и безопасности на Дальнем Востоке и во всем мире. Советские люди полностью и горячо одобряют все положения этих исторических документов.

Радостно сознавать, что в борьбе за мир, благополучие и безопасность народов идут рядом, плечом к плечу, наши две великие страны, что у нас полное единство взглядов как в вопросах взаимного сотрудничества, так и в вопросах международного положения.

Великий китайский мыслитель и революционер Лу Синь вдохновенно говорил: «Силы мрака опираются лишь на то, что обречено на гибель... Они недолговечны. Будущее же существует всегда, и оно явится светлым... За нами вечное будущее, и оно будет светлым».

Светлые дни переживает китайский народ. Канули в Лету времена, когда он три тысячи лет был, «словно придвинутая огромным камнем трава»... Ныне в Китае, стране древнейшей в мире культуры, в Китае трудолюбивого народа происходят этические перемены. Шаги свободного народа отдаются на всей планете. Могучая китайская держава заняла достойное место среди народов, оказывая все возрастающее влияние на развитие мировой истории.

Немногим более десяти дней прошло с тех пор, как мы услышали по радио радостные голоса ликующего китайского народа, отмечавшего пятилетие своей молодой свободной республики, государства народной демократии.

Немного раньше мы от души приветствовали другое историческое событие в жизни Китая — принятие первой подлинно народной Конституции, воплотившей в себе вековые стремления миллионов китайцев к лучшей жизни, их заветные чаяния и давние надежды.

Мудрая китайская пословица гласит: «Если человек хочет воспринять, он должен помочь воспринять своим друзьям; если человек хочет преуспеть, он должен помочь преуспеть своим друзьям». Проникновенно звучат слова совместной декларации правительств обеих стран об искреннем стремлении «китайского и советского народов оказывать друг другу взаимную помощь, содействовать экономическому и культурному прогрессу обеих стран, дальнейшему укреплению и расширению братской дружбы между ними и тем самым содействовать упрочению мира и безопасности на Дальнем Востоке и во всем мире в соответствии с целями и принципами Объединенных Наций».

Всего несколько лет назад были созданы смешанные советско-китайские общества — надо было помочь молодому республике, которая только приступала к восстановлению своего народного хозяйства. Ныне люди Китая могут уже сами управлять деятельностью предприятий, входивших в эти общества. В Синьцзянской провинции поднимаются все новые нефтяные вышки, в Дальнем сходят со ступеней новые суда, построенные китайскими умельцами. На каждом шагу можно видеть в Китае материальное воплощение братской помощи советского народа.

Ныне еще пятнадцать промышленных предприятий на китайской земле будут возведены с помощью Советского Союза, будет выделено дополнительное оборудование для 141 предприятия, строительство которых предусмотрено в ранее подписанном соглашении. Мы совместно построим железные дороги Ланьчжоу — Урумчи — Алма-Ата и Цзинин — Улан-Батор.

Велик путь солнца от края до края китайской и советской земли. Велики и неисчерпаемы силы, рожденные дружбой и сплоченностью двух народов.

Мы — братья по духу. Мы любим китайскую литературу, китайскую музыку и песни, с глубоким уважением относимся к тому вкладу, который внес китайский народ в развитие мировой цивилизации. «Китайский народ», — говорит Н. С. Хрущев, — может быть твердо уверен в том, что советский народ и впредь будет его надежным и верным другом и окажет ему всемерную помощь и поддержку в борьбе за дальнейшее укрепление и развитие Китайской Народной Республики».

Пусть же и дальше крепнут изо дня в день союз и дружба великих народов на счастье всего человечества! Хорошо сказал китайский поэт Си Цзянь, что пожатие рук советских и китайских друзей

...сильней, чем слова.
Душе говорит, что навек наш союз,
Что в мире нет крепче родства.

Единство взглядов

С радостным волнением узнали мы в последние дни о новых ярких проявлениях дружбы между советским и китайским народами. Ведь каждый из нас понимает: советско-китайская дружба — великая, могучая сила в борьбе за мир, равной которой нет и не бывало в истории человечества.

Глубокое единство взглядов, бескорыстная взаимная помощь, стремление к взаимопомощи со всеми другими народами и укреплению международной безопасности — вот те качества, которые делают дружбу народов нашей страны, подписанные в исторические дни пятилетия Китайской Народной Республики.

Дружба двух великих народов превратилась в огромную реальную силу в борьбе за избавление человечества от угрозы новой войны, за укрепление мира на Дальнем Востоке, за сплочение народов Азии, борющихся за свою национальную независимость и свободу.

Осуществленная в Китае под мудрым руководством Китайской коммунистической партии, народная революция дала богатые и обильные выходы.

Об этом свидетельствует чудесно быстрое восстановление страны.

Об этом свидетельствует успешное выполнение первого пятилетнего плана: невиданный подъем промышленности, строительство новых гигантов тяжелой индустрии, отражающие твердый курс на индустриализацию страны, а также разительные результаты аграрной реформы, нанесшей сокрушительный удар по феодализму.

Об этом свидетельствует расцвет политической активности китайского народа, смелое строительство государства народной демократии, социалистические основы которого отразила Конституция Китайской Народной Республики.

Это подтверждают, наконец, осуществляемая в настоящее время в Китае подлинная культурная революция, небывалый размах мероприятий по просвещению народа, по развитию культуры и науки, по массовому воспитанию и переповнению людей в духе великих идей марксизма-ленинизма.

Жизненная сила народа, навсегда закрепленная от связывавших ее пут, творит чудеса. Мне приходит на память слова китайской писательницы Дин Лин. Она писала: «Я люблю свой помолодевший народ. Воспитанный Мао Цзэ-дунем, он стал еще прекраснее. Я вижу наших женщин, скинувших цепи феодального гнета и работающих наравне с мужчинами. Я вижу наших детей в красных галстуках, которые облагораживают все новыми знаниями. Я вижу, что наши старики, молодежь, с надеждой смотрят на мир. Я вижу, как в процессе труда первосцинтилляторы люди. Мы больше не носим ломотьев, наши бледные лица порозовели».

Каждый раз, когда я думаю о Китае, о его уверенном и быстром движении вперед, о значении нашей дружбы с великим китайским народом, я вспоминаю дни, которые довелось мне провести в Китае в составе советской делегации в историческом 1949 году. Я вспоминаю многолетние

Л. ДУБРОВИНА,
заместитель министра
просвещения РСФСР

Митинг идет организованно и с огромным подъемом. Поражаешься сочетанию высокой дисциплины аудитории, сосредоточенной тишины во время русской речи с бурным выражением ликования и восторга в связи с приездом советской делегации. Не можешь сдержать неподдельной радости и глубокого волнения, когда слышишь исполняемый пятнадцатую тысячу раз гимн Советского Союза, а затем Гимн Китая.

Не забыть картину преподнесения подарков советской делегации от каждого университета и каждого факультета. В момент, когда главе советской делегации передавались книги или украшенные иероглифами знамена, китайские вазы или другие памятные реликвии, с земли поднимался один из живых квадратов, и сотни студентов того или иного факультета или отделения, подарков которых вручались, каждый раз по-своему выражали горячие дружеские чувства. Взлетали вверх серые ленты и островецкие китайские соломенные шляпы, носовые платки, свитеры и шарфы, и звонко раздавалось на всю площадь многоголосое китайское приветствие «Вашей!» — «Десять тысяч лет жизни!».

Еще сейчас эта молодежь? За пять лет, прошедших с того дня, юноши и девушки, конечно, уже успели окончить высшие учебные заведения и сейчас, наверняка, находятся на командных вышках в различных областях народного хозяйства и культуры. А китайские университеты и другие вузы принимают все больше и больше молодежи, готовя кадры своей новой, народной интеллигенции.

Но не только большие полотно массовых встреч запечатлела память. Она запечатлела и отдельные встречи, как бы детали огромной и яркой картины, но детали, столь же многозначительные, как капли воды, отражающие процессы становления новой жизни.

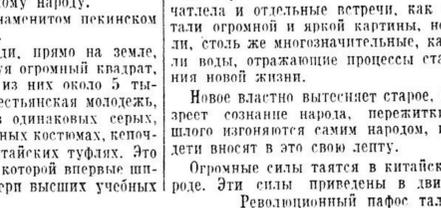
Новое властно вытесняет старое, быстро зреет сознание народа, пережитки прошлого изгоняются самим народом, и даже дети вносят в это свою лепту.

Огромные силы таятся в китайском народе. Эти силы приведены в движение. Революционный пафос талантливого, трудолюбивого, скромного и могучего народа будет и дальше давать еще более обильные плоды.

Китай вошел на международную арену как активный боец за счастье своего народа и всех других народов мира.

Полны глубокого смысла слова, сказанные товарищем Г. М. Маленковым: «В мире появилась новая великая держава, которая вместе со всеми миролюбивыми силами отстаивает интересы укрепления мира и международной безопасности. Это, поистине, важнейший исторический итог развития международной жизни за последние десятилетия, итог, который освещает не только пройденный путь, но и перспективы».

Китайский крестьянин вступает в сельскохозяйственный кооператив.

Китайский крестьянин вступает в сельскохозяйственный кооператив.

Граюра на дереве китайского художника Ши Кэ.

Второе рождение панорамы

В Севастополе, который готовится в эти дни к знаменательной дате — столетию героической обороны 1854—1855 гг., закончено воссоздание знаменитой панорамы «Оборона Севастополя». Как известно, полвека назад академик живописи Ф. Рубо запечатлел на полотне один из главнейших эпизодов обороны — отражение русскими войсками вражеского штурма 6 (18) июня 1855 года. Это выдающееся произведение батального искусства поражало и мастерским изображением грандиозного сражения, в котором участвовали многие тысячи людей, и своими размерами (длина окружности панорамы составляла 115, а высота — 14 метров).

Когда зрители поднимались на смотровую площадку панорамы, их взору представляла далекая перспектива осажденного Севастополя, так ярко описанная Л. Толстым: «...перед ними открылись бухта с маяками, корабель, море с неприятельскими латками флотом, белые приморские батареи, казармы, водопроводы, доки и строения города, и белые, пылающие облака дыма, беспрестанно поднимавшиеся по желтым горам, окружающим город, и стоявшие в синем небе, при розоватых лучах солнца...».

Зритель видел на полотне поле боя на всю его глубину — от ближних тылов до движения атакующих колонн. На переднем плане панорамы были расположены макеты, изображающие в натуральную величину различные фигуры и предметы. Почти невозможно было определить границу между объектами, трехмерными деталями панорамы и живописью на холсте, настолько то и другое сливалось воедино.

В большом круглом куполообразном здании панорамы, простоявшем около сорока лет, побывали сотни тысяч людей. Бережно охраняло советское командование в годы Великой Отечественной войны этот памятник русской славы, в частности, оно запретило располагать вблизи панорамы военные объекты. Но в последние дни обороны Севастополя бомбардировщики совершили налет на район, где находилась панорама, и варварски разрушили левую часть здания. Моряки и солдаты бросились в объёмное пламенное здание, разрезали полотно на части, вынесли из огня куски холста.

Когда приступили к восстановлению панорамы, оказалось, что спасенные фрагменты представляют собой лишь часть полотна — десятки кусков, изрешеченных осколками и опаленных огнем. Странными реставрационной мастерской Третьяковской галереи, под руководством П. Корнина, уцелевшая часть панорамы была восстановлена. Затем к работе приступил творческий коллектив, состоявший из двадцати художников. Его возглавлял вначале В. Яковлев, а после его смерти — П. Соколов-Скаля.

Работа предстояла большая и интересная, — рассказал нам П. Соколов-Скаля. — Сначала надо было создать точный рисунок панорамы — ее картон, затем исследовать живописные приемы автора, изучить исторические и изобразительные материалы, сделать эскиз макета перенесенного плана. Одновременно в Ленинграде, на комбинате имени Тельмана ткался холст небывалой, девятиметровой ширины, а в Севастополе шли восстановление и реконструкция здания.

К концу прошлого года здание было восстановлено в своем прежнем, хорошо знакомом каждому, кто бывал в Севастополе, архитектурном виде. Внутри здания были произведены значительные усовершенствования: устроены отсутствовавшие раньше системы вентиляции и отопления, что обеспечит долговечность полотна, проведено электрическое освещение, благодаря чему панораму можно будет теперь экспонировать не только днем, но и в вечерние часы.

С помощью военных моряков огромный, весом не в одну тонну, холст был подвешен под куполом восстановленного здания, и наш коллектив смог приступить к воссозданию картонки. Каждому из двадцати художников удалось «найти» себя в работе. Н. Соломин талантливо проявил себя в создании ближних планов, где требуется искусное слияние рисунка на полотне с предметным планом. Художник В. Памфилов из обычного палье-маше сделал такие «чугунные» старинные пушки, что даже артиллеристы принимают их за вмаделанные, перенесенные сюда с Исторического бульвара. Яркие образцы композиции рисунка и реалистической живописи показали художники А. Мерзляков, Е. Лобанов, А. Суханов. Значительно более совершенным по исторической достоверности и художественному исполнению является предметный план, над созданием которого трудились художники Н. Фирсов, Б. Беляев, П. Шухмин, Г. Захаров, Н. Плеханов.

Гигантский холст был разделен на 24 сектора, и художники — каждый из своего сектора — писали отдельные куски картины, пользуясь в качестве оригинала уцелевшими фрагментами картины Рубо. Затем художники менялись местами и дополняли, поправляли друг друга. Одним словом, панорама рисовалась «коллективной рукой». На мою долю выпало воссоздать не сохранившийся в оригинале ово-западный район панорамы, составлявший чуть ли не целую ее треть.

Следует сказать, что мы не стали сводить свою работу к механическому копированию картины Рубо. Лично я хорошо знал эту картину художника и воспринимал ее, как писателя о тяжелых испытаниях, выпавших русским солдатам и морякам в эту героическую оборону Севастополя. Теперь же мы решили приложить полноту приподнятый колорит, воспеть великий подвиг русского народа, высокий дух мужественных защитников Севастополя. Насколько удалось нам это, пусть судят зрители.

Как сообщил далее П. Соколов-Скаля, в картину введены новые эпизоды. Так, уточнен характер боя на третьем и четвертом бастионах.

Зрители увидят сейчас, как легендарный герой Севастопольской обороны матрос Петр Кошка и его друг Федор Занка доставляют «языка» плененного ими француза. Создана новая композиция полевого являющегося пункта, где изображен участник обороны — выдвинувший русский хирург Н. Пирогов. Уточнены очертания русских кораблей и кораблей противника, показаны их действия.

16 октября, в канун столетия героической Севастопольской обороны 1854—1855 гг., панорама будет открыта, начат свою вторую жизнь.

СЕВАСТОПОЛЬ. (Наш корр.)

На снимке: восстановленное здание панорамы «Оборона Севастополя».

Фото И. Акунелло

В «Литературной газете» 12 июня была опубликована статья «О машинах для наших полей»...

В ответ редакция получила письмо члена коллегии Министерства автомобильного, тракторного и сельскохозяйственного машиностроения тов. А. Моисеева...

В. П. Горячкин — ученый большой и смелый мысли. И не может не показаться странным и неожиданным, что он якобы отстранял такие «революционные» взгляды...

Возражения тов. Моисеева заставляют думать, что в министерстве все еще нет продуманной линии в развитии научно-исследовательских работ...

Соглашаясь с тем, что принципиальные положения, высказанные в статье, правильны, тов. Моисеев советует «Литературной газете» вывить мнения по этой статье работников Института машиноведения Академии наук СССР...

Четыре года назад в отделе нумизматики Эрмитажа пришел новый работник, дипломат Ленинградского государственного университета...

«Добрыню показал себя как преданный делу и способный научный работник... Это позволяет рассматривать тов. Добрыню как представителя той молодой смены, которую подготовило старшее поколение научных работников Эрмитажа...»

Вся эта разносторонняя деятельность помогла Добрыню завоевать доверие общественных организаций Эрмитажа...

И вот, буквально накануне отчетно-выборного собрания, к одному из руководителей Эрмитажа позвонили:

«Скажите, работает у вас впоследствии Михаил Добрыню?»

Разговор с Михаилом Добрынюм, состоявшийся вскоре после этого звонка, значительно обогатил представления коллектива о совершающей по работе.

Причины такого двоякого совместительства оказались далеко не научными и

уж совсем не «божественными». Михаил Добрыню «служил и богу и мамоне» во имя одной цели: служил во имя величия своего гонимого...

«Позвольте, а как же ваша церковная деятельность?» — спросили мы.

«Ну, это, знаете, совсем другое дело, — нимало не смутившись, ответил нумизмат-иподьяк.»

Пожойкий случай произошел и в Ленинградском институте акушерства и гинекологии Академии медицинских наук СССР.

На очередном заседании институтского партийного бюро обсуждался вопрос об усилении научно-атеистической пропаганды. Решили прочитать для сотрудников института цикл антирелигиозных лекций...

Но Богданов-Березовский (он участвовал в обсуждении вопроса), услышав, что называют его кандидатуру, вдруг как-то смелся и начал отказываться от поручения...

Из путаных объяснений этого «ученого» выяснилось, что пребывание свое в рядах партии он легко совмещал с верой в божественное происхождение мира и в божественное происхождение, что он уже давно не расстается с натель-

ным крестом, аккуратно ходит в церковь, калечит религиозными идеями сознание своих детей и прочее.

«Нет сомнений, что и Добрыню и Богданов-Березовский на семинарских занятиях в университете марксизма-ленинизма немало рассуждали о том, что только научное мировоззрение — марксистский диалектический метод и марксистский философский материализм — дает возможность ученому любой специальности глубоко проникнуть в сущность изучаемых явлений...

Слов нет, трудно, порой и невозможно разоблачить двурушника-хамелеона в короткое время семинарских занятий. Но отделить начетничество, механическое заучивание отдельных положений марксизма от творческого восприятия материалистической теории можно и должно.

К сожалению, ни преподаватели вечернего университета, ни профессора, читавшие лекции по философии в Ленинградском государственном университете, не увидели, не почувствовали начетника и идеалиста в своем «примерном» студенте.

М. Добрыню потому и надел на службу маску убежденного адепта науки, потому так горячо и врался к общественной деятельности, так заблуждался о приобретении репутации активного общественного деятеля, что отлично понимал, как мало совместима его истинная натура, его истинный моральный облик со взглядами и обличьем настоящего советского ученого.

Ничего этого не увидели руководители общественных организаций музея.

«Ты же равнодушен к вопросам борьбы за научно-атеистическое мировоззрение...»

«Порочный это метод — изучение людей только по анкетам.»

А. ПОЛОВНИКОВ, Н. СЕЛИВЕРСТОВ

ЛЕНИНГРАД

История и теория сатиры мало разработаны в нашей литературной науке...

Несколько лучше обстоит дело с изучением наследия великих мастеров русской классической сатиры и юмора.

Сатира и юмор обретают грозную действительную мощь лишь в том случае, когда они проникают в передовые слои общества...

Одно из несомненных достоинств новых книг Я. Эльсберга — широкий план в постановке литературных проблем...

Главное значение этих книг состоит в нашем мнении, в том, что они нацеливают наших литераторов на создание глубокой, идейной, высокохудожественной сатиры.

Спиритическим остротам книги Я. Эльсберга противопоставлены против тех реальных, конкретных проблем, которые несут в себе и дают о себе знать в нашей литературе...

Книги Я. Эльсберга — разного характера и достоинства. Одна — капитальное исследование, плод многолетней работы...

Вторая книга Я. Эльсберга — краткий обзор на важную для современности тему о наследии Гоголя и Шедрина...

И это понятно. Я. Эльсберг впервые в нашей науке разрабатывает такую тему. При этом условии многого стоит уже один обзор фактического материала...

Я. Эльсберг, в отличие от некоторых других авторов, не считает возможным давать рецепты написания сатирических произведений. Он подчеркивает, что могут быть многообразные пути противопоставления отрицательного и положительного в сатире...

Преодолевать отставание в области сложного и ответственного искусства смежа можно, только более конкретно и обстоятельно разрабатывая в литературной науке его историю и теорию.

ЮБИЛЕЙ МИКОЛЫ БАЖАНА

Киев. (Наш корр.). Общественное столпили украинцы тепло отметили пятидесятилетие со дня рождения и тридцатилетие литературной деятельности Микола Бажана...

Письмо в редакцию

Перечитав опубликованную в «Литературной газете» статью В. Овечкина «Погорелый»...

М. ШОЛОХОВ

ст. Венская. 7.10.54 г.

КОГДА в Москве замедляла скромная аристократия, гласящая, что Держинский драматический театр имени 30-летия Ленинского комсомола привез спектакль «Настоящий человек»...

Справедливо ли с воплощением этой инсценировки театр, отразившийся недавно лишь восьмилетием своего существования?

Но вот мы познакомились со спектаклем Держинский и поняли, что не случайно этот театр появился на гастролях в Москве, чтобы показать всего одну постановку.

Вспорах о положительном герое имя Алексея Мересьева, героя повести Полевого, занимает почетное место.

«Ведь мне теперь никогда больше не поднимать самолета в воздух!» — кричит Алексей надменно. — Понимаете же, никогда! Бессильно падает чужь приподнявшее тело, в комнате еще как будто звенит этот голос, полный тоски и отчаяния...

Держинский театр, его режиссура проявили глубинную и тонкую проникновенность в замысле В. Полевого. Они показали спектакль не об одном герое Мересьеве, а рассказали о многих настоящих советских людях, смелых, горячих, самоотверженных.

Вот две центральные его сцены: сцена в госпитале и сцена в отборочной медкомиссии.

Литературная газета

14 октября 1954 г. № 123

Алексей МАЛИН

Один Медведь, затворник кабинетный, Очки надев, читал листок анкетный. — Рассмотрим данные...

«Ноги — четыре...» «Уха — два...» «Шерсть тона светлого, длинной всего на холке...»

«Имеет хвост, ушами не метелькой...» «Способен огулительно реветь...»

«Так это же Лев!» — ринулся рот Медведь. — Вот это да!

Барсук! Неси кадровиком анкету. Сегодня же отставку дать Еноту И Льва — немедленно! — оформи на работу.

Теперь-то скажут: — Ну, Топтыгин, голова!

МЕДВЕДЬ И АНКЕТА

Себе помощником он приспособил Льва. Похвастался Медведь знакомому Слону («В подборе кадров надобно уметь!»).

«На редкость бодрое имя настроенье...» «Наутро наш Медведь берется за дела И выдиги он перед собой...»

«Я не привык ко всяким шуткам странным!» — Взревел Медведь. — Ты как сюда попал? — Как я попал? — Осел сказал.

«Да очень просто: по анкетным данным...»

Нет повести печальнее на свете, Чем повесть о слепой любви к анкете!

Рис. В. Фомичева

непреклонная воля светится в этом взгляде, что врач невольно опускает глаза. Но нужно еще доказать, что слова Мересьева — не пустое бахвальство.

В исполнении Т. Лондона на сцене предстал живой, страстный Мересьев. Своим конкретным существованием он разбил теорию, требующую героев идеализированных. Это простой советский юноша, в котором соединились мальчишеская уязвимость и сдержанный внутренний темперамент, чистая, самозабвенная любовь к Родине и упорная, непреклонная настойчивость.

Постоянный человек Мересьев создается в спектакле не по канонам, предписываемым сторонниками идеального героя; актер, идя по следам автора, показывает, как в жестокой схватке с самим собой, под влиянием коммунистических идей, советского коллектива рождаются те черты, которыми мы так восхищаемся в нем.

В зале отхлынул засмеялся комсомолец, который должен вынести заключение о годности Мересьева к возвращению в авиацию. Он готов к осмотру. Лицо его выражает скрытое волнение, губы решительно сжаты. Врач читает в личном деле больного ампутации ног. Он молчит, что его морочат: «Не думайте же вы без ног пойти в авиацию?» По Мересьев тихо отвечает: «Я не думаю, и пойду!» И в эти спокойные, едва слышно произнесенные слова актер вкладывает столько сдержанной силы, такая

Правда характера

Степана Ивановича, отнюдь не идеализирован; он показал их в противоречивой, сложной борьбе и в последствии жизненных радостях и тревогах, надежда каждого из них индивидуальными чертами. В результате этой сложной жизни коллектива, воодушевления людей друг на друга выковываются люди, подобные Мересьеву.

Особенно существенно для идейного звучания спектакля Держинского театра то, что рядом с образом Мересьева в исполнении Т. Лондона вырос другой, не менее обязательный образ — полкового комиссара Семена Воробьева, созданный В. Мачкасовым. Фигура комиссара в повести В. Полевого — одна из самых сильных, мужественных, светлых в нашей литературе.

Этот ярко очерченный, интересный характер человека, глубоко, по-настоящему любящего людей, сделавшего своей профессией воспитание коммунистической морали, выступает у писателя как бы олицетворением партийного руководителя.

Формирование Мересьева таким, как мы узнали его впоследствии, и спектакле тесно связано с влиянием комиссара, этого активного действующего большевика. Умные, внимательные глаза комиссара почти неотступно следят за Мересьевым, улавливая малейшие изменения его настроения.

В. Мачкасов достигает большой выразительности мимики, голоса, умест, оставаясь неподвижным на протяжении всей роли, изредка силу страстей, владеющих этим замечательным человеком. И под воздействием комиссара впервые пробуждается воля к борьбе у Мересьева — Лондона, на наших глазах начинается выдвигание человека и становление полноправного героического характера.

Настоящий человек Мересьев создается в спектакле не по канонам, предписываемым сторонниками идеального героя; актер, идя по следам автора, показывает, как в жестокой схватке с самим собой, под влиянием коммунистических идей, советского коллектива рождаются те черты, которыми мы так восхищаемся в нем.

В зале отхлынул засмеялся комсомолец, который должен вынести заключение о годности Мересьева к возвращению в авиацию. Он готов к осмотру. Лицо его выражает скрытое волнение, губы решительно сжаты. Врач читает в личном деле больного ампутации ног. Он молчит, что его морочат: «Не думайте же вы без ног пойти в авиацию?» По Мересьев тихо отвечает: «Я не думаю, и пойду!» И в эти спокойные, едва слышно произнесенные слова актер вкладывает столько сдержанной силы, такая

еще доказать, что слова Мересьева — не пустое бахвальство. И вот Алексей под недоверчивыми взглядами окружающих пускается в плаш. Это не простая игра. Алексей играет русскую, и в этом тиске не только несподручные узы и любовь, в нем безграничный восторг оттого, что цель достигнута, что победа завоевана собственными силами.

И мы вместе с Мересьевым радуемся этой победе, потому что мы видели, каких усилий она стоила ему, мы страдали и мучительно раздумывали вместе с ним.

В исполнении Т. Лондона на сцене предстал живой, страстный Мересьев. Своим конкретным существованием он разбил теорию, требующую героев идеализированных. Это простой советский юноша, в котором соединились мальчишеская уязвимость и сдержанный внутренний темперамент, чистая, самозабвенная любовь к Родине и упорная, непреклонная настойчивость. И такой положительный герой нужен нам, его жизнь, его подвиг вызывают в нас желание стать такими же, как он, стремиться не к легкой удаче, а к трудной, но высокой цели. В близости нам и конкретности чувств, мыслей Мересьева таятся для нас поучительность этого образа. Простой советский человек Мересьев в трудных, исключительных обстоятельствах проявляется как личность незаурядная.

Положительный герой все более властно выходит на нашу сцену. Это не некий всеобъемлющий образ, созданный по определенным рецептам. Это многообразные живые люди с различными характерами, профессиями, стремлениями. Но всегда успех выпадает на долю тех актеров, которые, постигая замысел автора, отходят от заранее заготовленных схем, от создания астериктного героя и изображают народные характеры, раскрывая жизненную сущность людей. И будь то простой, неприхотливый, но такой милый человек Лося Велерникова в исполнении Е. Фадеевой (спектакль Московского театра им. Ленинского комсомола «Голы странствий» А. Арбузова) или мужественный, волевой Пля Журица, созданный Л. Стерлинским в постановке Московского театра им. Вл. Маяковского «Семья Журбиных» В. Кочетова и С. Кара, или боевая, темпераментная Ганна Чихуня Л. Доржанской (спектакль ЦИСА «Наши дни», поставленный А. Макеева) — всегда это живой, бурный человек.

И спектакль Держинского театра мы приветствуем за то, что в нем с большой искренностью показаны живые, глубокие образы замечательных советских людей.

Автор основательно исследует мировоззрение Шедрина, его противоречия и сложные идейные искания. В своей книге он правильно воссоздал облик писателя, который стремился темной силе прямо и непосредственно противопоставить в сатире свой идеал светлой, героической жизни.

Пенурий гнет уродовал и ограничивал замыслы Шедрина, но силой своего огромного таланта он прорывал препоны цензуры, и прекрасное будущее свободной, народной России всегда мерцало, как искра по тьме, в глубине каждого его произведения, хотя их первый план и заслепляли всевозможные чушища и уроды эксплуататорских классов.

С большим вниманием, чем это было прежде в работах самого Я. Эльсберга и многих других авторов, в книге исследуется художественная сторона творчества Шедрина. Новое в искусстве, особенно в таком сложном, как сатира, делается нелегко, и Салтыков-Шедрин, например, несколько лет неустанно и целеустремленно отработывал замысел и шел к тому, чтобы «форму покорить» в «Истории одного города».

От произведения к произведению Я. Эльсберг прослеживает формирование художественного метода Шедрина на том или ином этапе его творческого развития, отмечает своеобразные типизации, жанра, комизма, — и в представлении читателя складывается картина развития большого художника, острый взор которого все пронзительнее подмечает, все полнее и рельефнее воссоздает типы, приобретает

Я. Эльсберг. «Салтыков-Шедрин. Жизнь и творчество». Гослитиздат, 1953. «Наследие Гоголя и Шедрина и советская сатира», «Советский писатель», 1954.

ЮБИЛЕЙ МИКОЛЫ БАЖАНА

Киев. (Наш корр.). Общественное столпили украинцы тепло отметили пятидесятилетие со дня рождения и тридцатилетие литературной деятельности Микола Бажана...

Письмо в редакцию

Перечитав опубликованную в «Литературной газете» статью В. Овечкина «Погорелый»...

М. ШОЛОХОВ

ст. Венская. 7.10.54 г.

ЮБИЛЕЙ МИКОЛЫ БАЖАНА

Киев. (Наш корр.). Общественное столпили украинцы тепло отметили пятидесятилетие со дня рождения и тридцатилетие литературной деятельности Микола Бажана...

Нерешенные задачи

Вл. БАХМЕТЬЕВ

Литература наша, социалистическая по содержанию, многонациональная по форме, добилась таких успехов, о которых в первые пореволюционные годы мы могли только мечтать. Выступая в числе многих других товарищей с трибуны Первого съезда писателей, автор настоящих заметок говорил, что «наша эпоха перевернула самое понятие гения. Когда-то возможно было явление необычайной силы слова одиночек, силы, возвращенной среде гробового молчания миллионов. Ныне мы гениальны несомненно, но наш главный гений — в творческих достижениях масс... Мы имеем то, что больше всякого понятия о гениальности одиночек. Мы имеем советскую литературу».

За короткое время наша литература одержала победы, которыми вправе гордиться Советская страна, и то, решающее, в вооружении нашей литературы, что предопределило ее победы, говорит само за себя. Это — единое и общее для всех братских народов мирознание, обусловившее высокое идейное значение творческого труда литераторов и самый метод его, метод познания и отображения действительности с марксистско-ленинских позиций.

Как-то, в пору первых пробников в мрачных туннелях революции, охватившей нашу Родину после первой революции, в Новосибирске на Оби (Новосибирск), под кровлей набормого цеха газеты, собрался рабочий кружок любителей художественной литературы со своим руководителем из сельских товарищей. Обсуждалось стихотворение молодого товарища железнодорожного дела. И вот, когда всем стало ясно, что со своим заданием автор не справился, старый метранаж типографии, как бы уходящая неудачника, посоветовал ему «познать на стихике, зная свое зумбу да тиски». Шумные споры, вызванные среди участников кружка этим замечанием старика, закончились любительным диалогом между товарищем-поэтом и метранажем.

Первый: Мне, конечно, образования не хватает... А как уже skinю корону и буржуе да примесь за науку, так тогда — знай наших! Каждый стихик писать будет, только пожелай!

Второй (хихикая в бороду): О! Значит, все за першю примесе, а зумбу с рашпелем по боку?!

Первый: Зачем — по боку! Всяк при своем деле останется, а душа восхочет — салсь да пиши!

Новый отклик метранаж был заглушен хором голосов:

— Правильно! Так и будет!..

Эта беседа простых людей ярко оживила в моей памяти, когда, спустя много лет, уже в Москве, довелось мне читать в верстке текст номера для IV тома «Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса», где великие мыслители в своей «Немецкой идеологии» писали: «Исключительная концентрация художественного таланта в отдельном индивидууме и связанное с этим подавление его в широкой массе есть следствие разделения труда». И далее: «В коммунистическом обществе не существует живописцев, существует лишь люди, которые между прочим занимаются и живописью».

Принимая в свое время активное участие в творческой жизни «Вагранки» — литературного объединения рабочих московского завода «Серп и молот», знакомясь с опытами молодых сеполомотовцев в прозе и поэзии, я не раз, вновь и вновь, вспоминая давний разговор в рабочем литкружке Сибири...

По этим именно мотивам, обобщая свои жизненные наблюдения, я позволил себе и на Первом съезде писателей говорить о том, что уже в настоящее время мы располагаем произведениями, созданными товарищами, еще не остывшими от пламени мартовских печей, а порою и вовсе не покидавшими своего труда техника, слесаря, вальцовщика и т. д. А если так, то не будем, мол, рассматривать наше творческое объединение, как одну из обычных ассоциаций профессионалов-литераторов. Наш союз — судно в открытом море, еще вернее — это живая частица, органическая клеточка в самой нашей революционной действительности.

И вот ныне, накануне Второго всесоюзного съезда писателей, невольно задаешь себе вопрос: в какой же мере нашему союзу удалась стать «воротами» на арену жизни и, участвуя творчеством своего коллектива во всенародной борьбе за коммунизм, приблизить то время, когда осуществится полностью мечта сибиряка-токаря о тружениках, овладевших пером поэта или кистью художника?

Вопросы организационного порядка в работе Союза писателей в последнее время уже затрагивались в ряде выступлений на страницах «Литературной газеты», например, в статье Г. Мельникова «Творческий вопрос — главное внимание». В своей творческой и общественной жизни союз наш имеет неоспоримо значительные достижения. Но довольствоваться приобретением, не замечая недостатков в работе, значило бы ограничиться «шагом на месте».

О всей ценности для писателя прикладного изучения народной жизни, широкой связи его с массами, умения прислушиваться к голосу масс, понимать их нужды и учиться у них свидетельствуют лучшие произведения наших прозаиков, поэтов, драматургов. Но, учитывая стремительно растущие запросы времени и связанные с этим задачи, стоящие перед литературой, мы должны признать, что литература наша еще далеко не выполнила своих обязательств перед читателями.

До последнего времени в деле связи с жизнью народа Союза писателей оказывал помощь своим членам так называемый творческими командировками, не останавливаясь перед довольно значительными ассигнованиями из бюджета Литфонда и своего издательства «Советский писатель». Но такого рода «путевки в жизнь» охватывают сравнительно ограниченный круг товарищей. К тому же проведение командировок не всегда обеспечивается деятельным контролем в отношении результатов работы. Да и что может дать летнее в общем пребывание литератора, командированного на тот или другой участок трудового фронта? Ясно, что для полноценного

Нетерпимо, что до сих пор мы не имеем серьезных работ по таким важнейшим для писателя вопросам, как вопросы о сущности и типе конфликтов в нашем социалистическом обществе, о сущности «стратегического» и «экономического». Строго говоря, не разрешена и проблема создания на основе социалистического реализма сатирических произведений, призванных играть немаловажную роль в деле коммунистического воспитания.

Проблема сатиры была посвящена статья А. Пилизи в «Литературной газете» от 2 октября. Нет возможности подробно останавливаться вновь на этом серьезном вопросе. Хотелось бы только еще раз заметить, что кое-кто из литераторов довольно упрощенно толкует для себя роль советских Гоголей и Штернших, не считаясь с тем, что сатира социалистического реализма — далеко не та, чем была сатира критического реализма. Бюрократизм в буржуазном обществе расценивался его «ведущими силами» не как порок, а как одно из средств, обеспечивающих его благополучие, как рит чиновничества от притязаний масс. В советских же условиях бюрократические извращения подрывают созидательную работу государственного аппарата, и с этими извращениями лавирует решительную борьбу. Гоголь и Штернших, подвывая ударам сатиры бюрократизма феодально-крепостнического режима, боролась с самим государственным строем, а мы, борясь с волокитой и всякого рода рутинной, защищаем наш строй. Это принципиальное различие не означает, разумеется, что мы можем как-то смитывать удары по еще существующим порокам.

Любопытно, что нередко на страницах прозы, посвященных борьбе с пороками прошлого, выводится, с одной стороны, поистине этих пороков, а с другой — противоборствующий ему положительный тип, и в результате нам преподносят как бы единого героя-богатыря со змеим Горныничем, что не выражает существа конфликта в нашей действительности, где пороки — пережитки прошлого — ликвидируются контролем и критикой снизу, так сказать, «сверху на корню» и в свойственной им жизненной повне. Сатирические наши произведения, думается, много выиграли бы в своей социальной и художественной правдивости, если бы носителями пережитков противопоставлялись не только отдельные герои, а в первую очередь коллективные силы нашего общества.

Серьезно свою работу на смотре, обобщении и оценке достижений всесоюзной литературы, Второй съезд писателей не обходит, надо полагать, молчаливо, наблюдая нужды повседневной жизни наших литературных организаций в центре и на местах. При этом, выявив и определив в результате обмена опытом и товарищеской критикой все, что было тормозом, поможем на пути развития литературы, съезд наметит и меры организационного порядка по ликвидации этих помех.

Круг нужд и всякого рода трудностей в работе Союза достаточно обширен. Так, например, требует неотложного своего разрешения задача дальнейшего укрепления деятельной связи писателей братских народов, и не только в творческом их труде, а и в общественной жизни, с какой целью необходимо было бы проведение периодических пленумов правления Союза с организационными задачами веховых пленарных сессий в республиканских и крупных краевых центрах.

Советская литература должна быть организована, как единое коллективное целое, на началах взаимной ответственности за работу друг друга.

Было бы, разумеется, глубокой ошибкой судить по отдельным неграциальным явлениям, еще встречающимся среди советских писателей, о всем коллективе, высоко держащем свое знамя в рядах бойцов на великом культурном фронте советского народа. По мы доушлись ли мы меньшую ошибку, не приняв мер к пресечению самой возможности в будущем каких-либо последних явлений в жизни своего объединения? И борьбу в этом направлении мы будем вести не в порядке аврала, а путем повседневной работы, исполненной успешной бдительности и сознанием коллективной ответственности за всякое нарушение в нашей среде норм и правил поведения советского человека.

Заметки о криптике

Г. МУНЛИТ

Странное дело! Ни об одном из жанров нашей литературы не говорят с такой благожелательной горячностью и с таким постоянством, как о критике, а между тем именно здесь дело никак не идет на лад. Может быть, причина в том, что эти благожелательные рассуждения носят слишком общий характер; бывает ведь так, что широчайшие утверждения о любви к делу неожиданно прерываются окриком: «Ты куда, пострепаной, вот я тебе ушк накру!» Или в сложном положении, какое создается у нас на критическом фронте, повинны лишь сами критики? Во всяком случае, факт остается фактом: критика у нас отстает, и достигнутое в этой области не идет ни в какое сравнение с успехами наших прозаиков, поэтов и драматургов. Есть в нашем активе умные и дальние статьи и книги, появляются от случая к случаю остроты и верные суждения об отдельных писателях и о литературе в целом, возникают по временам новые имена, но все это до сего не сделало нашу критику по-настоящему авторитетной.

Что же мешает нашей критике подняться на уровень тех задач, какие ставит перед ней наша эпоха? Что мешает ей завоевать то место, какое ей по праву принадлежит? Чтобы ответить на эти вопросы, нужны усилия и размышления множества литераторов, нужны споры, поиски, живые обмен мнений. В «Литературной газете» по этим вопросам уже выступали Б. Брайнина, С. Штурт, А. Турков. Мне кажется, что такое обсуждение должно быть продолжено.

Главная беда наших критических сочинений, думается мне, состоит в том, что многие из них носят по преимуществу «рецензионный» характер. С книгами современных авторов — живыми документами стремления наших писателей выстоять в жизнь, помочь нашему народу выработать его историческую миссию, мы пользуемся, словно архитекторы, обмеривающие памятники старины. Мы описываем особенности этих книг, пересказываем их содержание и, вменяя себе в заслугу полное беспристрастие, соразмеряем их достоинства и недостатки, чтобы вынести подчас весьма уклончивый приговор.

Где же в этих статьях творчество критика? В чем реализуется его свое отношение к явлениям, о которых пишет писатель? В чем здесь могут сказаться его жизненный опыт, его темперамент, его острота, наконец, его умение писать?

Да ни в чем! Такие статьи могут привлечь к себе мимолетное внимание читателя только тем, что они написаны о книге, которую он недавно прочел. Такие статьи светят лишь отраженным светом. Собственного излучения, собственного тепла в них нет. Они могут помочь писателю в лучшем случае исправить некоторые недочеты его сочинения или порадовать его констатацией имеющихся в этом сочинении отдельных удач. Но помочь писателю в той борьбе, которую он ведет своей книгой, вместе с ним содействовать рождению нового в нашей жизни, рядом с ним принять на себя тяжесть решения еще не решенных вопросов, — об этом авторы таких статей и не помышляют. Они «рецензируют» вместо того, чтобы «жечь глаголом сердца», они «истолковывают» вместо того, чтобы «иронизировать».

Спорно нет, нужны и такие критические статьи. Но, читая их, вспоминаешь Флора Дюбуа: «Уважаю и труд библиографа, знаю, что и для него нужны некоторые приготовления, предварительные знания, как для почтальона нужно знание городских улиц; но позволить же мне более уважить критика... который произносит новое слово в науке или искусстве, который распространяет в обществе светлый взгляд, истинные благородные убеждения».

И можно ли согласиться с теми критиками, которые сознательно и упорно ограничивают свою роль «трудом библиографа», мирно пересказывая содержание книжек там, где им надлежало бы «пронизить» свое слово в историю?

Примеров этого рода можно привести много. Ограничимся хотя бы одним.

В шестой книге «Нового мира» напечатана повесть В. Тендрякова «Не ко двору». В ней автор с полным пониманием тонкости и сложности своей темы показывает ту область человеческого существования, которую он без основания именует «частнособственническим свиномством». С

великодушной точностью и подлинным блеском передает молодой писатель атмосферу замкнутого, затхлого, враждебного всему миру угла, в котором выросла героиня повести, и показывает перипетию неслучайной борьбы, какую ведет ее муж, чтобы освободить молодую женщину из этого плена. Повесть оставляет сильное впечатление. Это полнокровный, безоговорочно направленный удар против одного из самых живучих пережитков прошлого в нашей современной деревне.

Повесть В. Тендрякова — радостное событие, способное взволновать, вызвать протест, даже возбудить что-то негодование. Но как удивительно бесстрастно выглядят критические статьи, написанные о ней!

В ленинградской газете «Смена» В. Головинский пишет о повести так:

«Силантий Петрович и Алевтина Павловна Рышники были не из укладов и в колхоз вступили давно, но крепко заселись в них ступательское чувство, гадальное разделение на каждую своей тропкой и равнодушие к чему бы то ни было, если оно колхозное, сделало их и Фелора непримиримыми, кровными врагами».

Какие чувства может вызвать у читателя эта тирада? Если говорить о сущности дела, то все сказанное здесь выражено в повести В. Тендрякова гораздо образнее и красочнее, чем у В. Головинского. Что же до формы, то «заселись в них нутро» и «разделение на каждую тропкой» ни при каких обстоятельствах не могут вызвать доверия к справедливости эстетических оценок нашего критика.

Немногом больше повествование В. Тендрякова в «Вечерней Москве», где В. Мелничко обстоятельно пересказывает, не ниго к этому не добавив, кроме утверждения, что она «будет с интересом прочитана людьми разного поколения» (!).

Существенно в этих критических откликах неумение авторов в их суждениях об одном из самых острых конфликтов нашего времени найти свои слова, выразить свои чувства, использовать свой опыт, чтобы усилить воздействие повести, а не ослабить его бледным, невыразительным пересказом.

Однако все сказанное здесь об ошибках некоторых наших критиков, да еще в связи с разговором об общем отставании этого жанра, несколько напоминает попытку помочь делу в соответствии с шутливым лозунгом Ильфа и Петрова — «дело помощи утопающим — дело рук самих утопающих». Было бы неверно думать, что задача — сделать нашу критику авторитетной, смелой и творчески активной — может быть решена усилиями одних только критиков, без участия всей писательской общественности. Пора понять, что в суждениях писателей о критике необходимы та же дружественность, то же внимание и та же обоснованность суждений, каких не устают требовать от критики наши прозаики, поэты и драматурги. Это верно, что некоторые критики, даже тогда, когда они стремятся помочь писателю, часто обижают его резкостью тона или неуместной иронией, или чрезмерной запальчивостью. Разумеется, такие излишества всегда вредят делу. Но ведь нельзя же жалеть от человека, убежденного в своей правоте, чтобы он не стремился использовать для доказательства своих мыслей все доступные ему средства, чтобы он при этом ослался дать волю своему чувству или заблел прямыми и резкими суждениями. А кроме того, несправедливая критическая статья ранит не автора в глазах читателя неизмеримо больше, чем книгу, о которой она написана. И доброе имя критика при этом страдает гораздо сильнее, чем доброе имя писателя, который поддается несправедливому нападкам.

И еще одно. Некоторые наши писатели, при любых обстоятельствах гневающихся на прямую и резкую критику, теряют способность прислушаться к ее голосу и извлечь из нее ту пользу, какую она могла бы им принести. И вместо того, чтобы взглянуть на свою работу со стороны и постараться сделать ее совершеннее, они с пеной у рта защищают ее несовершенство, забывая, что, кроме придранных критиков, существуют на свете требова-

тельные, а по временам и придранные читатели, которых не убеждают ни окрики, ни уверения в своей правоте.

А так как авторы романов, стихотворений и пьес, как правило, пользуются у нас неизмеримо большим общественным авторитетом, чем критики, эти сражения неизменно кончаются плачевными для критиков результатами.

Об этом немало говорилось на республиканских писательских съездах. Вот некоторые из таких высказываний.

Как заявил выступавший на съезде писателей Молдавии критик П. Портной, у некоторых известных писателей есть застарелая и далеко идущая любовь к критике, поэтому многим молодым критикам не хватает «героизма», чтобы выступать в печати.

На съезде писателей Дагестана главный редактор альманаха «Дружба» критик Камиль Султанов сказал, что в последние годы он перестал выступать с рецензиями на выходящие книги потому, что уже не в силах «собраться» от атак авторов, задевших его критику.

В заметках о белорусском писательском съезде, напечатанных в «Правде», Н. Аблякин пишет: «Писатель и критик служат одному общему делу, они связаны общими интересами, и какое-либо противопоставление их друг другу идет не на пользу литературе. Вот об этом-то и не было, к сожалению, сказано на съезде с необходимостью».

Г. Муштафин на съезде писателей Казахстана утверждал — одна из причин слабого развития литературной критики в Казахстане заключается в том, что некоторые писатели нетерпимо относятся к критике, поменяют литературный спор взаимной бранью, вместо серьезного опровержения мнений, с которыми они не согласны, готовы «уничтожить» все творчество писателя или критика. Такого рода явления обнаружилось и в ходе съездской дискуссии, в частности в выступлениях С. Муканова, Х. Ергалиева, А. Абишева, К. Сатыбалдина и некоторых других.

Не значит ли все это, что настало время всерьез поговорить о взаимоотношениях критиков и писателей и попытаться сделать их по-настоящему дружескими, памятуя о том, что всем нам в этом труде категорически и любящим свое дело литераторам заслуживает бережного и внимательного к себе отношения.

В этой связи следует сказать несколько слов об одной любопытной особенности, во многом определяющей смысл и характер нашей критической деятельности.

Случается так, что велел за первую критическую статью, дающей ту или иную оценку только что напечатанной вещи, все последующие критические статьи чаще всего выстраиваются в такую кильватерную колонну и в других, а по временам и в тех же выраженных повторять высказанные первым критиком соображения о достоинствах и недостатках работы писателя. В результате это мнение становится как бы всеобщим и решительнейшим образом определяет судьбу будущей книги. Теперь уже поправки, которые приходится автору вносить в свою вещь, непосредственно вытекают из соображений, высказанных странным хором критиков, как бы малоавторитетным ни был каждый из них в отдельности. Очень часто критик, задумывая статью, намеревается высказать в ней свое частное мнение, с которым писатель вправе не согласиться, которое и существовать-то должно, как одна из возможных точек зрения на данный вопрос, как повод для спора. Но не проходит и месяца, как за этой статьей выстраивается десятки других, и глядящих, уж редактор издательства убеждает писателя внять единодушному приговору критиков и переделает книгу в полном с ним соответствии.

Все было бы иначе, если бы о новой вещи были высказаны разные мнения, если бы о ней разгорелся спор, в котором каждый из спорящих стремился доказать справедливость своей позиции. Кто знает, может быть, и писатель при этом согласился бы с кем-нибудь из своих критиков и поработал бы над своей книгой в соответствии с его указаниями. Но уж редактору в этом случае никак бы не удалось скрыться от «общим мнением» и уклониться от необходимости принять собственное решение о книге, которую ему предстоит подписать к печати.

Такие споры привели бы огромную пользу и самой критике. Ведь условия, в которых критик был бы вынужден обосновать свою точку зрения, записать ее, опровергнуть возражения своих оппонентов, — это и были бы те самые условия, в которых совершался бы «естественный отбор» наиболее умных и талантливых литераторов, пишущих критические статьи.

История есть множество примеров огромного уважения, с каким относились писатели к суждениям критиков о своей работе. Разумеется, здесь играло немалую роль то весьма важное обстоятельство, что критики, о которых здесь приходится вспомнить, были переводными, крупнейшими людьми своего времени. — Дайте нам Белинского... любят повторять некоторые наши писатели, раздраженные действительными и мнимыми обидами.

Но если нашим критикам следует стремиться стать похожими на Белинского с его пламенной убежденностью и безукорынным литературным вкусом, то полагать ли некоторым нашим прозаикам, поэтам и драматургам о примере Гоголя, который, прочтя статью Белинского, заново переписал «Портрет», о Некрасове, который при этих же обстоятельствах сжег свой первый сборник стихов, о Тургеневе, печатавшем свои книги только после того, как их придрочно прочитали его друзья-литераторы, и, наконец, о Горьком, который в своих воспоминаниях о Коренко писал когда-то: «Впервые показал я свою работу писателю и сразу имел редкое счастье услышать четкую, уничтожающую критику».

Правое же, эти примеры, если их как следует продумать и оценить, могли бы принести нам немалую пользу.

Стихотворение и его комментаторы

С. БАБЕНЬШЕВА

Если вы спросите поэтов и критиков, занимающихся критикой поэзии: «Можно ли писать о несчастливой любви», на вас поглядят с удивлением: «Само собой разумеется». При этом, наверное, товарищи сослужатся на то, что и при коммунизме возможна трагедия неразделенной любви.

Но коль скоро вопрос этот из плоскости теории перейдет в область практики, все оказывается не столь простым и не столь категорически ясным.

Обратимся к фактам. В № 1 «Знамя» за 1953 г. помещены стихи Ольги Берггольц «Из писем с дороги». Привожу текст одного из стихотворений полностью:

Я сердце свое никогда не шарила: ни в песне, ни в дружбе, ни в горе, ни в страсти.

Прости меня, друг мой. Что было, то было. Мне страшно...

И все-таки все это счастье. И то, что я смертно, горюче тоскую, и то, что, страшась небывалой напасты, на призрак, на малую тень негодую...

Мне горько.

И все-таки все это — счастье. Пускай эти слезы и это удуше, пусть хлещут упреки.

Как ветки в ненастье. Страшней — всепрощенье. Страшней — равнодушие.

Любовь не прощает.

И все это — счастье. Я знаю теперь, что она убивает, не ждет сострадания, не делится властью, покада прекрасна, покада живая, покада она не утеша, а счастье!

О чем же это стихотворение? Думается, смысл его можно выразить словами Маяковского: «Страшно — не любить, ужас — неметь». Именно об этом говорит поэтесса, поэтому даже трагическую, несчастливую любовь именует она счастьем. Такова роль рефрена стихотворения: «И

все-таки все это — счастье», такова значимая строка: «Страшней — всепрощенье. Страшней — равнодушие». «Хитрая тема» любви для поэта — тема больших страстей. При всей затрудненности и даже некоторой перенапряженности лексикой («удуше», «любовь убивает») в стихотворении есть здоровое начало: берегите любовь, как бы говорит поэт, она — счастье. Во имя любви принимает поэтесса и ее трудности, порою и страдания. Не всегда же прост и легок путь любви! Может быть, мысль эта выражена не кристально ясно, сбивает ее толку опять-таки это «удуше» и особенно последнее четверостишие, верней, одна строка в нем: «Я знаю теперь, что она убивает». Строка эта противоречит тексту. Ну какое же счастье, ежели убивает, да и не об этом говорит Берггольц в предыдущих строках, утверждая силу, красоту, богатство чувств.

И об этом, как и о других недостатках стихотворения естественно был бы разговор. Но когда читаешь критические статьи П. Гринберга «Оружие лирики» («Знамя», № 8) и Б. Соловьева «Поэзия и правда» («Звезда», № 3), в которых говорится об этом стихотворении Берггольц, то диву даешься, чего только там не сказано — здесь и «культ страдания», и «инверсия», и «абсолютно-убиющее представление о счастье» и пр. — все, кроме того, что действительно есть в этом стихотворении. Вот что, например, пишет Гринберг: поэт превращает любовь «в самоотказание, в пытку, в мучение. И от этих неврастенических строк отворачиваются те люди, которых воспела Ольга Берггольц в своих стихах военных и послевоенных лет, люди, видя-

щие красоту не в преклонении перед страданиями, а в преодолении их... Ведь никакие реальные, жизненные побуждения и объяснений подобного мучительства даже и угадать нельзя в этом стихотворении, в противостоятном желании быть несчастным во что бы то ни стало!»

В таком же духе написана и «ответная» Б. Соловьева. И здесь мы узнаем, что «лирический герой противопоставляет себе болезненно-убиющее представление о счастье — не подлинному счастью внутренне здоровых, внутренне устойчивых людей, а некоему «раноидному», словно, кроме скуки равнодушия, могут быть только нечеловеческие муки и страдания». Или: «Лирический герой этой «песни», обманывая перед нами свои думы и раны, испытывая нестерпимую боль, в то же время пытается уверить нас, что именно такая ситуация и является самым прекрасным и завидным». Да и из этого все видно, что поэт пытается уверить нас, что «такое состояние является самым завидным»? Разве об этом говорится в стихотворении? Но верность тексту в данном случае, — видимо, качество необязательное. Представьте себе, что в руки товарищей, ловко орудуя формулами, попали бы без подписи строки пушкинского «Желания»:

Медлительно влекется дни мои,
И каждый миг в ушлое сердце множит
Все горести несчастливой любви
И все мести безумия тревожит.

Мрачная, неврастеническая любовь, — читали бы мы в заметках Гринберга.

Но я молчу; не слышен ропот мой;
Я слышу лишь, мне слезы утешенье;
Моя душа, плененная тоской,
В них горькое находит наслажденье.

«Ведь никаких реальных жизненных побуждений и объяснений подобного мучительства даже и угадать нельзя» — прочли бы мы, наверное, в тех же заметках. Но самое странное — это последняя строчка стихотворения:

О жизни час! Лето, не жаль тебе,
Исцели в тьме, пустое привяжиенье;
Мое дорогое любви мое мученье,
Пусть уму, но пусть уму любви!

«Дорого любви мое мученье»... «лирический герой обманает перед нами свои язвы и раны... пытается уверить нас, что именно такое состояние и является самым прекрасным и завидным!»

Нет, не нужны здесь комментарии! Говорить хочется о главном — нужна честная передача содержания, без этого не может быть критики. Из каких бы великодушных побуждений ни исходила критика, но содержание произведения все равно надо передавать верно. Нельзя синхронно относиться к переделкам, считая, что всякая критика — благо. А не ошибочно ли это? Вооружая справедливую критику, от критики беззащитной, и переделками — один вред. Стогшибательные ярлыки приналоят, а поди поэтов, попробуй... отгери.

Важно, чтобы была такая моральная атмосфера, при которой переделки будут невозможны, тогда и будет настоящий разговор о литературе, о поэзии. Давайте же говорить о том, что есть в самом стихотворении, не придумывая того, чего в нем нет. И главное, верить, что действительное богатство лирики — в разнообразии душевных переживаний людей. Нужны стихи о несчастливой любви, могут быть стихи о любви несчастливой. В красоте чувств человека — богатство лирики, а не в нивелировке, упрощении этих чувств.

Американцы в Турции

Георг ЭМИН

ВЬЕТНАМСКИЕ ЗАПИСИ

Р. КАРМЕН, специальный корреспондент «Литературной газеты»

3. Вьетнамская Народная армия вошла в Ханой! Еще не успел последний французский солдат...

Студенты одного из медицинских институтов Вьетнама слушают лекцию профессора перед практическими занятиями.

заместитель председателя комитета товарищ Чан Зюй Хынг. С первых дней Августовской революции...

Родной Ханой, столица республики! Захватчики так и не решились объявить этот город административным центром марionетного государства...

Как рассказать о празднике освобождения столицы? Еще на рассвете со всех концов города к центру стал стекаться народ...

Некоторые буржуазные корреспонденты — а их сейчас в Ханое до тридцати — ходят явно обескураженные. Они вынуждены признать, что власти и войска Демократической Республики Вьетнам...

Сейчас, когда над Ханоем сияет зоревое праздничное утро, когда ликующие толпы заполняют широкие бульвары...

Мы останавливаемся на почле в деревне, от которой нам оставалось до Ханоя 15 километров. Над горизонтом светлая полоса — ответ электрических огней столицы...

У околиц мы встречаемся с группой вьетнамских писателей и художников. Три месяца тому назад мы посетили их «Лето творчества» — послок Ассоциации литераторов и искусства Вьетнама...

Каких еще бредовых небывлиц не распускали враги, чтобы заставить эвакуироваться жителей Ханоя! Чан Зюй Хынг заразително смеется...

А как идет жизнь в освобожденных уже городах? Не так давно нам довелось проехать несколько дней в одном из крупнейших городов Вьетнама — Нам-Динь...

Вьетнам покрыт густой сетью сухоходных рек. С именами многих из них — Светлой реки, Красной реки, Черной реки — связаны исторические события освободительной войны...

Нам-Динь был освобожден еще до окончания войны. Жители его дважды переживали радостные дни — дни освобождения, дни наступления мира...

Второй наш собеседник — молодой поэт Нгуэн Динь Ти ушел семь лет назад из Ханоя с последним батальоном, сражающимся на баррикадах столицы...

Вьетнамские писатели и художники, три месяца тому назад мы посетили их «Лето творчества» — послок Ассоциации литераторов и искусства Вьетнама...

годы войны были ядром боевого революционного подполья. Сейчас, охраняя фабрику и укатывая брезентовые танки...

Лишь небольшую часть жителей Нам-Диня французики и марionетные власти удалось обманом и насильем эвакуировать в Ханой. Был, например, пущен слух, что Народная армия готовит жестокое расправу со всеми служащими французских и баодаевских учреждений...

Вечером загораются в городе, на его набережных и улицах, гирлянда огней. Загораются рекламные кинотеатров. Здесь демонстрируются пользующиеся большим успехом советские и китайские фильмы...

Крепостные стены и бункеры были необходимы колонизаторам, — это мы поняли, когда слушали волнующий рассказ о деятельности намдинского подполья в годы сопротивления. Нам-Динь, как и Краснодон, — благодатная тема для героической повести, для романа...

Мы беседуем на балконе одной из тех вилл, что окружены бетоном и проволокой. Куанг Лан одет в костюм, который носят миллионы вьетнамцев: коричневая рубашка из тонкой, выцветшей до бледно-розового цвета ткани с белыми пуговками...

Вы видели советский фильм «Молодая гвардия»? — спросила мы его. Видел, — сказал он, — и очень жалею, что только в конце прошлого года. Нам многим нужно было бы поучиться у наших советских братьев и сестер из Краснодона...

Вьетнам. 12 октября. (По телеграфу)

Еще несколько лет назад янки не любили разговоров об агрессивно-военном характере их «помощи» Турции. Стоило лишь кому-нибудь заговорить об этом или хотя бы намекнуть, они тотчас же принимали позу обиженных...

Американцы любят покорность. Они любят «союзников», чьи рты набиты американской жвачкой — чуингамом. Однако сами янки иногда выбалтывают как раз то, что обязаны скрывать их лакействующие «партнеры»...

Американцы любят покорность, потому что покорность турецких правителей, например, «приносит отличные дивиденды». Один почтенный джентльмен, посетивший Турцию едва ли только в туристских целях, сказал на банкете, устроенном перед его возвращением в Америку: «Покляйся этой стране, я уношу с собой ее частицу»...

Еще раз о Гелене. Не успели еще просохнуть чернила, которыми были подписаны соглашения в Лондоне...

И еще одно имя называет западногерманская газета «Абеншпост», имя генерала Гелена. Его прозвал в Бонне не поручиком контрразведки новой германской армии...

«В служебных инструкциях» шпионского Центра Гелена подчеркивается: «СССР — вот главная и в то же время самая трудная цель нашей работы». Диверсионная и шпионская деятельность, проводимая этим оным гнездом против СССР и стран народной демократии, носит несколько даже необычное название: «Углубленное исследование».

Поэтому все старания оказывались тщетными, банда Гелена выработала новый план под звучным названием «операция Пифагорас». Поиманный с полицией геленский агент Хазе заявил на этот счет: «Начались поиски людей, которые имели бы возможность сблизиться в Советском Союзе, Британии или странах Европы»...

Главный редактор Б. ЮРИКОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУДИНА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), А. КРИВИЦКИЙ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ.

Троцкизм в Турции

Ф Е Л Ь Е Т О Н

Не так давно в водах Ионического моря появился комфортабельный теплоход с милым французским названием «Агамемнон». Внутренняя отделка «Агамемнона», как утверждали очевидцы, выдержана во фламандском духе, а каждая из четырех кают типа «люкс» носит наименование одного из островов Ионического или Эгейского морей...

Что такое? — скажет читатель, удивленный этим перечнем имен, некогда принадлежавших властителям Европы, но уже давно покрытых пылью истории. Не перевозит ли, часом, куда-нибудь известные музеи псковских фигур Лондона и Парижа и каждый экспонат поместили в отдельную каюту? Или, может быть, это уселительная прогулка-маскарад, предпринятая каким-либо миллионером, по пыльной прихоти которого все пригласенные гости, заглянув в учебник истории, выбрали себе псевдонимы на время путешествия?

Нет, в судовом журнале записаны действительно ныне живущие люди, хотя, по сообщению очевидцев, это скорее тени прошлого... Французская газета «Орор» помещает короткие биографические справки о пассажирах «Агамемнона». Вот некоторые из них: Отто Габсбург, 1921 года рождения; профессия: без профессии, Дон Хуан испанский — из династии Бурбонов, 1913 года рождения; профессия: претендент на испанский престол. И так далее...

Вот пришел этот день. — П, глядя в освещенное над Ханоем небо, добавляет: «Возвращающиеся совершенно иными. Множеством раньше не понимали, не зная, многое научились за годы борьбы вместе с народом»...

Мужчинам даже рекомендовалось надеть скромные черные или синие брюки и белые рубашки с отложным воротничком.

«На палубе «Агамемнона» — царственное оживление. Кого только тут нет! Здесь Рупрехт Баварский (сын Людвига Баварского и австрийской принцессы Марии) и принц Неапольский; болгарская королева Руана с сыном — королем Симеоном и румынский король Михайл со «свитой»; итальянский король Умберто II Савойский и граф Пизарский с графиней и семью детьми; принцесса Маргарита Балканская и принц Христиан из Ганновера и другие титулованные бездельники, все еще не оставившие надежды сесть на шею нарду и жадно ищущие, из чьих рук можно было бы получить престол... Многим из королевских особ закрыт доступ на территорию той или иной страны. Поэтому, например, бывший итальянскому королю Умберто II пришлось начать путешествие на «Агамемноне» не из Неаполя, а из другого пункта»...

Однако две детали затенены «Агамемноном» все же явственно озадачили даже буржуазную прессу. Первая (и основная): какова цель этого сбоя? Редакция французской газеты «Фигаро», попытавшись представить это предприятие как пропаганду туристских путешествий, вряд ли сама поверила в выдуманное ею предположение, столько оно наивно. Вторая деталь: совершенно весело, на какие средства был заправлен красавец «Агамемнон» и организовано трехнедельное путешествие королей в отставку. Одни газеты утверждали, что средства взяты из греческой казны, другие, что это уездная казна, завысившая десять тысяч фунтов стерлингов какому-то умершему судавладельцу.

Чем больше догадок, тем меньше истины. Несомненно другое: многие из участников путешествия на «Агамемноне» отлично знают своих благодетелей. Отто Габсбург, например, который в анкете газеты «Орор» числится как имеющий профессию, на самом деле является вполне профессиональным авторитарным: по сей день он руководит австрийскими монархическими группами и поддерживает постоянную и прочную связь с государственным департаментом США.

Да что греха таить: «республиканская» Америка оказывается покровительством не одному Габсбургу, а множеству реакционеров. Добрая половина пассажиров «Агамемнона» в трудную минуту запылавшая в американскую гавань и находила там убежище, участие и поддержку. И мы не ошибемся, если скажем: нынешние благодетели изгнанных народами властителей бросают доллары на ветер, независимо от того, лует ли он в античных берегах Греции или в острове Тавианв. Отродившаяся за океаном реакционной идиот «сентиментальной прогулки» теней старой Европы несет запахом нафталина.

Ю. ОЛНН